

Ушаков Александр Сергеевич

Из купеческого быта

Повести и очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Сергеевич У.**
Из купеческого быта: Повести и очерки / Ушаков Александр Сергеевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 267 с.

ISBN 978-5-519-78547-1

ISBN 978-5-519-78547-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТАРЫКИНЫ.

ПОВѢСТЬ.

ТАРЫКИНЫ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Время шло къ вечеру, а въ Москвѣ для многихъ уже наступала ночь.

Давно уже дремало, потягиваясь и лѣниво зѣвая, стемнѣвшее Замоскворѣчье, пустыла Рогожская и Таганка; въ рѣдкомъ домѣ, кромѣ фабрикъ, свѣтились окна въ Преображенскомъ и Семеновскомъ. Купечество, большею частию заселяющее эти части города, послѣ трудового дня отходило на покой—на мягкія перины, на полусуточный сонъ.

Въ одной изъ этихъ частей города, въ большомъ, богатоглядящемъ домѣ тускло свѣтилось окно. Свѣтъ сальной, сильно нагорѣвшей свѣчи смутно освѣщалъ тѣсную, низкую комнату. Стѣны комнаты грязножелтого цвѣта, потолокъ покрытъ копотью, въ углу огромная старинная печь съ лежанкой, рядомъ съ ней перина, кругомъ уродливая мебель; душно, воздухъ спертый, тяжелый, съ сильнымъ запахомъ водки и свѣчнаго сала. По срединѣ когда-то крашеннаго пола накрытъ столъ для ужина. Скатерть далеко нечиста; старые сточившіеся ножи и вилки, мѣстами связанные проволокой, парами лежатъ около покрытыхъ затасканными салфетками тарелокъ съ аппетитными кусками чорнаго хлѣба; у каждаго прибора по большой серебряной, очень вѣской ложкѣ, а у одного, кромѣ того, и большая разливальная; по срединѣ судокъ съ огурцами, большое блюдо съ жирнымъ кускомъ соленой рыбы и закрытая миска.

Комната, носящая названіе столовой и чайной, съ одной стороны, заставлена большими красными шкафами съ посудой и серебромъ, которыя, впрочемъ, рѣдко показывались на свѣтъ Божій; кругомъ стола старыя уродливыя кресла съ рѣшетчатыми задками и высокіе стулья съ изорванною кожанною покрывшею. Комната украшена двумя портретами женщины и мужчины; лица ихъ, какъ два большія желтыя пятна, смутно выглядываютъ изъ окружающаго мрака. Портреты повѣшены надъ длиннымъ диваномъ, съ львиными лапами вмѣсто ножекъ, — одной категоріи съ прочею мебелью.

Комната разъ до шести въ день раскрываетъ свои гостепріимныя объятія и соединяетъ въ одно цѣлое всѣхъ членовъ многочисленнаго семейства потомственнаго почетнаго гражданина и 2-й гильдіи купца Василя Ивановича Тарыкина, по мѣстному прозванію *грознаго*. Теперь въ ней двѣ женщины: одна

низенькая старуха съ овальнымъ, отвислымъ желтымъ лицомъ и большими черными быстрыми глазами: ей на видъ лѣтъ пятьдесятъ, хотя на самомъ дѣлѣ много больше. Она закутана въ темное ситцевое платье, подъ грудями повязанъ черный каленкоровый фартукъ, на головѣ черный тафтяный платокъ. Другая, лѣтъ сорока, кажется старѣе своихъ лѣтъ, — плотная, низенькая курносая и простоволосая; въ ней прежде всего бросаются на видъ ея стеклянные, безцвѣтные глаза, которые придаютъ какое-то странное, вопросительное выраженіе ея дряблему, рябому лицу; глаза всегда заспаны и подернуты поволокой, — не той поволокой, про которую поется въ старинныхъ пѣсняхъ, а гадкой, сонной, масляной. Эта личность спитъ часовъ шестнадцать въ сутки, и теперь дремлетъ на горячей лежанкѣ. Цвѣтное ситцевое платье, платокъ съ большими разводами и свѣтлый фартукъ — ея обыкновенный и постоянный костюмъ. Она

носить башмаки со скрипомъ и пахнетъ гвоздичной помадой.

Старуха помѣстилась около горничной на лежанкѣ, уставленной самоварами всевозможныхъ калибровъ. Она только-что прибѣжала изъ сѣней, поджала подъ себя руки и грѣтся.

— Хо-ло-дно, Марь-ю-шка, холодно мать моя, у, какъ холодно! кровь-то старая не грѣетъ. Охъ! не прежніе года, не прежніе, не прежніе, говоритъ она со вздохомъ.

— Да, выясниваетъ; видно градусовъ подъ двадцать таянетъ, зѣвая и потягиваясь отвѣчаетъ Марья.

— Куда какъ, другъ, сиверко.... вышла, такъ вотъ и хватается.

— Чтожъ, время пришло, тѣмъ же тономъ продолжала горничная. Сколько теперь поста-то осталось—недѣли двѣ чтоль? вотъ и святки на дворъ—крещенскіе пойдутъ!

— Ну, что нынче за крещенскіе! такъ по-

прыгунчики—не морозы; вотъ въ наши молодые годы точно бывали морозы,—можно крещенскими назвать.... зима-то станетъ, такъ до весны это подлинно, что ужъ зима,—день ко дню на подборъ. Сначала-то подморозить эдакъ пріятно, снѣгъ уложить, кровь вскипятить,—грустуномъ зывали,—грустить эдакъ подъ ногами, на деревьяхъ серебромъ горить, съ утра-то туманъ, а съ полудня-то солнце, только щеки подрумянить да прыти придасть; а тамъ вотъ въ эту пору какъ хватить, такъ одинъ-то день холоднѣй другаго,—скуеть, покорить все; а какъ крещенскіе-то бывало пойдутъ, такъ птица мерзнетъ на лету; выплеснешь воду—ужъ не вода, а сосульки, бывало земля трескается, гдѣ снѣгу мало; такъ это точно морозы, точно крещенскіе.... а нынче чтó! сего дня дождь, а завтра холодъ, оттепель да оттаина.... и что за зима! и на зиму-то не похоже.

— Ну, чтожь, matka, грѣхъ сказать, — и нынче морозы бываютъ.

— Бываютъ да не тѣ!

— Подожди-ка вотъ до праздничка, недѣльки двѣ чтоль... такъ сама пѣтухомъ запоешь!...

— Да что ты—все наладила двѣ недѣли да двѣ недѣли: еще семнадцать дѣнь.

— Ну, гдѣ семнадцать-то, всего шестнадцать!

— Экъ тыхватила, сударыня! Что ты? съ нынѣшнимъ-то и всѣ осьмнадцать: ты считай-ка: нынче что? вторникъ?—такъ отъ этого вторника до того вторника недѣля—такъ ли? до того вторника другая,—стала двѣ; такъ ли по твоему? ну, да тамъ три, нѣтъ, вру, четыре дня, вотъ-тѣ всѣ осьмнадцать, хоть сначала перечти.

— Какіе же четыре дня-то? Откуда ты ихъ взяла?

— Ахъ, матушка ты моя, и на это разума не хватило. Рождество-то у насъ во что́ будеть?

— Во что́?

— Я-то знаю, знаешь ли ты?

— Ну?

— Ну!

— Запрягла чтоль? ну въ среду....

— Умой глаза-то! въ среду-то еще сочельникъ, говорятъ добрые люди, горячась говорила нянька.

— Да лѣтось во что́ было? ну-ка? сердито спрашиваетъ горничная.

— Лѣтось... Рождество... дай Богъ память, да что я думаю? Вотъ лѣтось-то, и было въ среду, да, да.... точно въ среду, въ среду.... лѣтось въ среду.

— Извините, сударыня,—во вторникъ.

— Анъ въ среду!

— Ну, ужъ нѣтъ, во вторникъ, во вторникъ; вотъ лопни глаза—во вторникъ... еще